WPS8399

Рабочий документ 8399 – в рамках исследования вопросов политики

Коммунизм как второе пришествие несчастья

Симеон Дянков
Елена Николова

Djankov, Simeon; Nikolova, Elena. 2018. Communism as the Unhappy Coming. Policy Research Working Paper No. 8399. World Bank, Washington, DC. © World Bank. https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/29669 License: CC BY 3.0 IGO.

ВСЕМИРНЫЙ БАНК
Департамент экономического развития
Офис главного экономиста
Апрель 2018

Перевод на русский язык: Е. Фирсов, 2020г.

Данный перевод не был осуществлен Всемирным банком, и его не следует считать официальным переводом документа Всемирного банка. Всемирный банк не несёт ответственности за содержание данного перевода или любые имеющиеся в нем ошибки.

Рабочий документ 8399 – в рамках исследования вопросов политики

Резюме

Настоящее исследование, основываясь на данных, охватывающих более 100 стран, выявляет, что православные верующие менее счастливы по сравнению с католиками и протестантами. Согласуясь с результатами исследования уровня счастья, настоящая работа также обнаруживает, что в сравнении с католиками, протестантами и неверующими приверженцы православия обладают меньшим социальным капиталом, предпочитают устаревшие идеи и работу с высоким уровнем стабильности. Кроме того, православие увязано с политическими предпочтениями левого толка и более широким участием государства в экономике. По сравнению с неверующими и православными католики и протестанты менее склонны соглашаться с утверждением, что государственная собственность – это благо, а протестанты реже соглашаются с тезисом, что разбогатеть можно только за счет других. Эти различия в удовлетворенности жизнью, а также во взглядах и ценностях сохранялись даже несмотря на тот факт, что коммунистические элиты стремились искоренить церковную жизнь в Восточной Европе, поскольку коммунисты сами поддерживали многие аспекты православного богословия, которые оказались полезными для продвижения коммунистической доктрины. Полученные выводы согласуются с гипотезой Бердяева о том, что коммунизм является наследником православия.

Настоящая работа выпущена офисом главного экономиста департамента экономического развития и является частью более широких усилий Всемирного банка по обеспечению открытого доступа к своим исследованиям и внесению вклада в дискуссии по вопросам политики развития во всем мире. Рабочие материалы по исследованиям в области политики также размещены в интернете по адресу http://econ.worldbank.org. Связаться с авторами можно по адресу: sdjankov@worldbank.org

Серия рабочих документов по исследованиям в области политики призвана поддерживать обмен идеями по вопросам развития. Задачей серии является оперативная публикация результатов исследований, даже если их окончательное оформление ещё не завершено. Все работы имеют своих авторов, цитирование должно быть добросовестным. Полученные результаты, интерпретации и выводы, изложенные в этом документе, полностью принадлежат авторам. Они не обязательно отражают точку зрения Международного банка реконструкции и развития / Всемирного банка или его дочерних организаций, а также взгляды исполнительных директоров Всемирного банка или правительств, которые они представляют.

Подготовлено группой поддержки исследований

Коммунизм как второе пришествие несчастья

Симеон Дянков[a] Елена Николова[b]

3 апреля 2018 года.

Готовится к публикации в: *Journal of Comparative Economics.*

[a] Лондонская школа экономики и политических наук (Великобритания) и Институт мировой экономики Петерсона (США), e-mail: S.Djankov@lse.ac.uk. Мы хотим поблагодарить Сергея Гуриева, Елену Низалову, Маркуса Ноланда, Якуба Полански, Николаса Верон, Андрея Шлейфера, участников семинара в Институте исследования Восточной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница, анонимных рецензентов и участников конференции *People Matter: Quality of Life in Post-Transition Economies* за полезные комментарии. Елена Николова благодарит Центр сравнительных исследований стран с развивающейся экономикой, Университетский колледж Лондона, за поддежку исследований в этом проекте. Мнения, изложенные в настоящей работе, принадлежат только авторам (в личном качестве), а не какой-либо организации.

[b] Центрально-Европейский институт социально-трудовых исследований (Словакия), Институт исследования Восточной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница (Регенсбург, Германия), Университетский колледж Лондона. E-mail: e.nikolova@ucl.ac.uk.

1. Введение

Следуя за идеями, изложенными в новаторской работе Вебера (1904), ученые исследуют взаимосвязи между религией и уровнем счастья (Campante and Yanagizawa-Drott 2015; Djankov et al. 2016), отношением к рыночной экономике, трудовой этикой и бережливостью (Guiso et al. 2003; McCleary and Barro 2006), уровнем доверия (La Porta et al. 1997) и положением женщин и представителей других религий (Clingingsmith et al. 2009). В литературе также широко освещается влияние долгосрочных исторических факторов на культурные предпочтения (Becker et al. 2014; Nunn and Wantchekon 2011). Более того, в недавних исследованиях утверждается, что культура является важным фактором, определяющим экономическое и политическое развитие (Gorodnichenko and Roland 2015; Tabellini 2010). Если религия влияет на предпочтения, а предпочтения влияют (или даже совместно развиваются) на экономические и политические институты (Aghion et al. 2010), то вопрос о том, как именно религия входит в широкий процесс институциональной эволюции, заслуживает тщательного изучения.

Хотя современная наука объясняет долгосрочное институциональное развитие в разных странах самыми разными факторами, в литературе сложно что-то найти о роли религии. Например, высокая смертность среди поселенцев наряду с преобладанием трудоемких видов деятельности, таких как добыча полезных ископаемых или выращивание сахарного тростника, возможно, побудила европейских колонизаторов учредить общественные институты, которые было трудно переустроить даже после обретения независимости (Engerman and Sokoloff 2000; Acemoglu et al. 2001). Аналогичным образом характер политических режимов был обусловлен давлением вопросов перераспределения, возникающих из неравенства в доходах (Boix 2003), дохода на душу населения (Boix 2011), революционных угроз (Aidt and Franck 2015) и миграции (Nikolova 2017).

Используя данные нескольких волн опросов «Всемирного обзора ценностей» (WVS) и обзоры ЕБРР/ВБ «Жизнь в переходный период» (LiTS) за 2010 г. и 2016 г., мы исследовали влияние трех христианских деноминаций (православие, католицизм, протестантизм) на личные предпочтения и поведение, фокусируясь, в частности, на удовлетворенности жизнью. Мы также исследуем связь между религией и социальным капиталом, мнением об изменениях и традициях и взглядами на роль правительства. Обзор «Жизнь в переходный период» охватывает все страны с переходной экономикой, за исключением Туркменистана, а также включает Турцию, Францию, Германию,

Италию, Швецию и Великобританию в 2010 г., и Турцию, Грецию, Кипр, Италию и Германию в 2016 г. Всемирный обзор ценностей охватывает почти 100 стран и территорий по всему миру, в том числе 26 посткоммунистических стран.

В своем исследовании мы приходим к двум взаимосвязанным выводам. Во-первых, католики и протестанты более счастливы по сравнению с неверующими (которые составляют опущенную категорию в регрессиях). Интересно, что удовлетворенность жизнью православных не отличается от таковой у нерелигиозной группы. С этими результатами согласуются и наши выводы о том, что по сравнению с лицами, принадлежащими к католической или протестантской религии и неверующими, респонденты из числа православных имеют меньше детей, меньший социальный капитал и менее склонны к риску. Они также предпочитают старые идеи новым и работу с высоким уровнем стабильности. Среди православных верующих преобладают политические взгляды левого толка и более выраженное мнение о том, что правительства (а не народ) должны брать на себя больше ответственности.

Более того, по сравнению с неверующими, католики и протестанты реже соглашаются с утверждением, что государственная собственность – это благо, а протестанты реже соглашаются с тезисом о том, что обогащение может происходить только за счет других. В обоих этих аспектах православные верующие ничем не отличаются от тех, кто не исповедует какую-либо религию.

Наша эмпирическая структура имеет ряд преимуществ. Во-первых, данные опросов позволяют нам контролировать широкий спектр наблюдаемых характеристик, которые могут коррелировать с предпочтениями, а именно: степень занятости, самооценка здоровья, уровень образования, место проживания и родительский фон (образование родителей и членство в коммунистической партии в прошлом)[1]. Во-вторых, мы можем включить страновые фиктивные переменные во все модели. Поэтому полученные нами результаты в меньшей степени обусловлены влиянием утвердившихся национальных особенностей, которые могли бы объяснить как распространенность определенной христианской конфессии, так и культурные установки. В-третьих, мы опираемся на широкий ряд исследований, таких как четыре волны Всемирного обзора ценностей, охватывающих период 1995–2014 годов, и две волны обзора Жизнь в переходный период (2010 и 2016 годы). Наконец, возможно, что исторически некоторые культурные особенности (обсуждаемые ниже) могли побудить принять разные ответвления христианства, что повышает вероятность того, что наши результаты будут

[1] Сведения о родительском фоне доступны только в обзорах «Жизнь в переходный период».

загрязнены обратной причинностью. Хотя у нас нет данных о предпочтениях до 1989 года, мы считаем, что это маловероятно по крайней мере по двум причинам. С одной стороны, ранние короли и ханы мало знали о культурных предпочтениях своего населения. С другой стороны, решение принять христианство из Византии или Рима было обусловлено в основном геополитическими соображениями, о чем свидетельствует, например, выбор Болгарией православия в 865 году.

Затем мы используем эти данные для оценки трех конкурирующих теорий, связывающих православие и коммунизм. Согласно Марксу, капиталистические страны, находящиеся на высокой стадии развития (например, страны Западной Европы), с большей вероятностью переживут социалистическую революцию, которая затем приведет к переопределению социальных структур и победе коммунизма (Marx 1977). Ленин, с другой стороны, полагал, что совместная революция пролетариата и крестьянства была необходима для социальных перемен в России (Lenin 1960 p. 40-43). В то же время Ленин утверждал, что православное христианство, которое было наиболее распространенным среди крестьянского населения и эксплуатируемого рабочего класса, должно быть полностью искоренено, дабы классовая борьба имела успех (Lenin 1960, p. 403-411). Напротив, Бердяев (1933, 1937) утверждает, что коммунизм преуспел именно в странах с сильной православной традицией. Как он объясняет: «Лучший тип коммуниста, т. е. человека, целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие [православного] воспитания человеческих душ, вследствие переработки натурального человека [православным] христианским духом» (Berdyaev, 1937, с. 170).

Изучение влияния религиозных различий в коммунистических режимах важно по двум причинам. Во-первых, литература, связывающая религию и культуру, в массе своей сосредоточена на различиях между религиями, а не на деноминационных различиях внутри христианства. Ниже мы утверждаем, что теологические различия внутри христианства связаны с разительными отличиями во взглядах. Кроме того, о роли православия написано довольно мало. В ряде европейских стран православие является доминирующей религией, а именно в Беларуси, Болгарии, Грузии, Македонии, Молдове, Черногории, Румынии, России, Сербии и Украине, а также на Кипре и в Греции[2]. В США более двух миллионов человек являются членами православной церкви (Volkov 2005, p. 227), а число православных во всем мире превышает 250 миллионов[3].

[2] Между национальными православными церквями нет различий, если говорить о доктрине, традициях и богослужении. Ключевым обозначением является слово «православная», в то время как национальное

Во-вторых, православие и католицизм усвоили разные традиции еще до 1054 г.[4] Католицизм, западная ветвь христианства, был связан с папством и Священной Римской империей, и подчеркивал индивидуалистический, легалистический и рационалистический характер римской античности. Католики всегда понимали отношения между человеком и Богом как легалистические, в которых верующие следуют правилам, установленным Богом, и любой проступок требует покаяния (и правосудия) под надзором церкви. Православие, напротив, находилось под влиянием эллинистических традиций, которые были сосредоточены на самонаблюдении и духе коммунитаризма. Православное богословие вместо того, чтобы подчеркивать обоюдные обязательства правового характера между человеком и Богом, акцентируется на обмене, основанном на любви и посвящении (Janos 2000, p. 38-39).

Наш аргумент основан на идее, что глубоко укоренившиеся богословские различия между православием и двумя другими христианскими конфессиями ответственны за различия во взглядах сегодня. Западное христианство (из которого выросли католицизм и протестантизм) делало упор на рационализм, логическое исследование, индивидуализм и поставление авторитета под сомнение. Восточное христианство (из которого возникло православие) было связано с мистическими и эмпирическими явлениями, демонстрировало бóльшую привязанность и общинность, уделяло меньше внимания закону, причинности, и было менее склонно ставить под сомнение устоявшиеся авторитеты. Примечательно, что эти вековые различия во взглядах выжили после полувека коммунизма. Религиозная активность подавлялась в большинстве бывших коммунистических стран в тоталитарный период, поскольку политические элиты считали, что религия несовместима с развитием коммунизма. Маркс (1844) пишет: «Религия – это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа». Бердяев (1933, стр. 159) объясняет, что, согласно Марксу, «религиозные верования отражают человеческое рабство, рабство у стихийных сил природы и иррациональных сил общества, они существуют лишь до тех пор, пока человек, социальный человек, не овладел окончательно стихийными и иррациональными силами, окружившими его

обозначение «греческая православная» или «русская православная» имеет второстепенное значение (Kallistos 1993). Древневосточная православная церковь (которая выходит за рамки настоящей работы) имеет иное богословие по сравнению с православной церковью.

[3] См. исследование Pew Research Center *Report on Global Christianity*, December 2011, p. 21, доступное по ссылке: http://www.pewforum.org/files/2011/12/Christianity-fullreport-web.pdf.

[4] В то время как мы рассматриваем католицизм и протестантизм как отдельные категории в нашем эмпирическом анализе, протестантизм был частью католической религии до 1517 г., и поэтому обе деноминации имеют весьма схожее богословие.

таинственностью». Духовенство подвергалось преследованиям, убийствам и тюремному заключению, а церкви были разрушены или закрыты. Посещение церкви было запрещено, а религиозное образование было исключено из школьной программы.

В то же время коммунистические правительства поддерживали те аспекты православного богословия, в том числе акцент на традиции и коммунитаризм, которые были полезны для распространения и укрепления коммунистических идей. В этом смысле православие обеспечило необходимые условия для развития коммунистических режимов. Как указывает Янош (2000, стр. 326), коммунизм приживался гораздо лучше в патерналистических и коммунитарных православных обществах Юго-восточной Европы, чем в легалистических, живущих в системе рыночных отношений странах Северной и Западной Европы. Коммунистическая политика и институты – коллективное сельское хозяйство, молодежные социалистические организации, мощная секретная служба и контроль за внутренней и внешней мобильностью – были в высшей степени совместимы с существовавшими ранее православными нормами, а именно коммунитаризмом, слабой опорой на юридические отношения и развитое низкопоклонство перед властью. Во многих отношениях коммунизм можно рассматривать как второе пришествие православия, что, как мы утверждаем, соответствует гипотезе Бердяева (1933, 1937).

Наша работа делает вклад в несколько направлений исследований. Прежде всего, мы вносим свой вклад в исследования об уровне счастья в странах с переходной экономикой, а именно Coupe and Obrizan (2016), Djankov et al. (2016), Easterlin (2009), Nikolova (2016). Результаты нашего анализа свидетельствуют о том, что устойчивые различия в религиозных верованиях – через их влияние на культуру и неформальные институты – могут также прокладывать путь к различным политическим и экономическим системам, что согласуется с тезисами Бердяева (1933, 1937). Кроме того, эти результаты перекликаются с работами, утверждающими, что, хотя в целом трансформация институтов происходит медленно (La Porta et al. 1999; Roland 2004), политические элиты могут эффективно манипулировать как формальными институтами (Djankov et al. 2003; Nikolova 2017), так и отношениями и убеждениями (Adena et al. 2015; Alesina and Fuchs-Schündeln 2007). Наши выводы также увязываются с набирающими оборот исследованиями, изучающими, как различия в религии и религиозности влияют на культуру (Bénabou et al. 2015; Guiso et al. 2003; La Porta et al. 1997). Наконец, мы пополняем обширную литературу о взаимосвязи между религией и различными экономическими аспектами, включая экономический рост (Barro и

McCleary 2003; Campante и Yanagizawa-Drott 2015; Cantoni 2014), человеческий капитал (Becker and Woessmann 2009), защиту инвесторов (Stulz and Williamson 2003) и трудовую этику (Spenkuch 2011).

Настоящая работа организована следующим образом. В следующем разделе представлена теоретическая база. Раздел 3 посвящен описанию данных. В четвертом разделе обсуждаются результаты, и последний раздел содержит выводы и заключение.

2. Теоретические основы

2.1. Теологические различия между восточным и западным христианством

Великий раскол 1054 года разорвал евхаристическое единство между восточным и западным христианством. Примат Рима, с которым на Востоке не соглашались и до раскола, окончательно перестал иметь какое-либо значение для восточных патриархатов, которые провозгласили Константинополь «новым Римом» со всеми вытекающими экклезиологическими последствиями. Однако различия между православием и другими направлениями христианства (католицизм, а затем и протестантизм) имели место задолго до этого времени (Janos 2000). Фактически, рост индивидуализма на Западе – как в семейных отношениях, так и в экономическом обмене – был опосредован участием католической церкви между VI и XI веками. В желании увеличить число завещаний (особенно со стороны одиноких женщин) папа Григорий I в 597 году призывает к соблюдению девственности, запрещает браки с близкими родственниками или вдовами близких родственников, а также усыновление детей. В результате благосостояние церкви изрядно выросло: во Франции конца VII века треть производительной земли принадлежала католической церкви. Церковное благосостояние побудило папу Григория VII не только к отделению церкви от государства, но и подтолкнуло к учреждению правовых институтов. Наряду с ростом числа нуклеарных семей и индивидуализма, эти события привели к экономическому росту на Западе (Lal 2000, p. 11-12).

Эти ранние различия между восточным и западным христианством способствовали определению позиций двух церквей в обществе и их связи со светской властью. В середине четвертого века император Константин превратил христианство из преследуемой секты в официальную религию Римской империи. Затем он перенес столицу из Рима в Константинополь, чтобы избежать вторжений с севера. Западная

Римская империя распалась в результате германских вторжений, и церковь обрела институциональную независимость, которая привела к обоюдно направленным отношениям с государством. Западные монархи укрепляли свою власть посредством ритуалов коронации и религиозного помазания в обмен на соблюдение церковных законов (Janos 2000, p. 40-41). Католическая церковь также была глубоко вовлечена в мирские дела, а сами папы нередко участвовали в военных сражениях (Janos 2000, p. 40-41). Например, папа Лев IX, немецкий аристократ, правивший в центральной Италии, вел войну против своего свергнутого предшественника и его последователей в 1049-1050 годах. Он также возглавлял армию швабов, сражавшихся против норманнов в июне 1053 года, и потерпел поражение в битве при Чивитате (Chambers 2006, p. 7-8).

На Востоке процветала Византия, но церковь оставалась подчиненной государству, отчасти потому, что она не могла получить столько же богатств, сколько ее католическая сестра. Было принято, что правители в православных странах родились святыми и не нуждались в сакрализации их власти церковью. Уже в четвертом веке византийские монархи, а не церковь, разрешали церковные вопросы и даже издавали законы о ереси и расколе. В течение последних пяти веков существования Византийской империи императорскими указами были смещены со своих престолов около трети всех православных патриархов. Например, Святитель Игнатий стал патриархом Константинопольским в 847 году. Будучи горячим критиком иконоборчества и первоначально назначенным императрицей-матерью Феодорой, Игнатий утратил благосклонность и был свергнут, когда император Михаил III вступил на престол в 858 г. Его преемником стал Фотий, мирянин, который оспаривал влияние папы на православную церковь. Когда в 867 году императором стал Василий I, Фотий был сослан на Кипр, а свт. Игнатий вернулся на патриаршую кафедру. После смерти свт. Игнатия в 877 году, Фотий примирился с Василием и принял патриаршие обязанности ещё раз. Его снова отправили в изгнание в 886 году, когда Лев VI вступил на престол (Hussey 2010, p. 70-86). Янош (2000, стр. 41) предлагает этому такое объяснение: «это размытие границ между государством и обществом предвосхитило некоторые черты современного тоталитаризма и облегчило принятие некоторых его практик, когда настанет их время».

Более того, западное и восточное христианство различаются в вопросах теологии. Западно-христианское богословие уделяло огромное внимание рационализму, что привело к расцвету схоластики и институциональному оформлению положения богословия в университетах высокого средневековья. На заре своего существования западно-христианское богословие было связано с работами святого Августина, который

учил, что существование Бога может быть доказано путем изучения природы и логическим исследованием. Римское право оказало сильное влияние на писателей западной церкви, а философия сыграла важную роль в богословских рассуждениях (Huntington 1996, p. 69-70). Реформация и контрреформация также были исключительно западным явлением: с приходом протестантизма в XVI веке монашество было отвергнуто, и верующих побуждали выражать свою веру посредством рациональной и светской деятельности (Huntington 1996; Weber 1904). В результате протестантизм привел к религиозному индивидуализму, инновациям и тенденции ставить под сомнение авторитеты. Секуляризация этих религиозных установок была необходима для общей эволюции общества в Западной Европе, а также для прорывов, связанных с индустриальной эволюцией (Markides 2005, p. 180-181)[5].

В православии рациональная перспектива была интерпретирована иначе. Как объясняет Хантингтон (1996, с. 69-70), православная цивилизация, если сравнивать с Западом, унаследовала гораздо меньше от классической античности. Во-первых, православие уделяет меньше внимания закону и разуму. Например, православное учение о Боге и православное богословие в целом никогда не развивались в западном рациональном смысле, но были тесно связаны с мистическими, эмпирическими и аскетическими явлениями (Berdyaev, 1937, с. 9). Восточное христианство также более эмоционально, чувственно, и считается, что Бог находится за пределами разумного понимания. Кроме того, православие уделяет больше внимания традициям и общинным ценностям. Поэтому люди менее склонны принимать решения свободно и критически и подвергать сомнению устоявшиеся авторитеты. В результате слабый акцент на нововведения в православии мог быть причиной отсутствия научной революции западного типа (Markides 2005, p. 182-183). Православие также уделяет меньше внимания юридическим правам (Бердяев, 1933, с. 150-151).

[5] Эмпирические исследования, подтверждающие гипотезу Вебера, включают Guiso et al. (2003) и Spenkuch (2011). Беккер и Вессманн (2009) считают, что протестантизм (в Пруссии XIX века) привел к впечатляющему экономическому росту, но утверждают, что человеческий капитал, связанный с чтением Библии, является механизмом, приведшим к этому результату. Напротив, Кантони (2014) показывает, что в границах Священной Римской империи протестантизм не влиял на экономический рост в период 1300-1900г.г. Чонг и соавт. (2014) представляют эмпирическую оценку веберовской бюрократии или профессиональной бюрократии с неполитическими правилами найма, продвижения по службе и оплаты труда работников.

2.2. Религия и коммунизм

Коммунистические режимы считали, что посещение церкви несовместимо с коммунизмом, а духовенство подвергалось обширным преследованиям[6]. Коммунисты считали религию общественной проблемой, с которой нужно бороться с помощью инструментов воинствующего атеизма (Berdyaev, 1937, с. 166). По словам Ленина, «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством» (цитируется Бердяевым (1937, с. 161)). Точно так же Дюбуа (1968, с. 286) полагал, что «...величайшим даром Советского Союза современной цивилизации было свержение духовенства и отказ от преподавания религии в государственных школах». Польша, где коммунистам не удалось подавить католическую церковь, стала заметным исключением. Из-за силы польской церкви и ее роли в укреплении национальной идентичности коммунисты с самого начала признавали, что отделение церкви от Ватикана будет тщетным (Froese and Pfaff 2001, p. 487-489). Лютеранская церковь в Восточной Германии также сохранила связи с церквями за пределами коммунистического блока, что говорит о том, что внешние связи также были важны для выживания религии в некоторых странах. Интересно, что кубинская католическая церковь также была очень сильной, и, опять же, это может быть обусловлено связями страны с Ватиканом.

Вскоре после революции 1917 года Советы лишили православную церковь ее правового статуса и собственности. Преподавание религии было запрещено в частных и государственных школах (Barmenkov 1983; Froese 2004). В ответ патриарх Московский Тихон отлучил правительство. В свою очередь советское руководство казнило многих епископов, представителей низшего духовенства и монахов: в течение следующих пяти лет было убито 28 епископов и 1215 священников и только в 1922 году погибло 8 000 монахов (Pipes 1995; Pospielovsky 1984, 1987). Число русских православных церквей сократилось с 54 000 в 1914 году до 7500 в 1966 году (Froese 2004, стр. 42).

В Болгарии в период с 1944г. по 1950г. перед судом предстали 153 православных священнослужителя, 13 из которых были приговорены к смертной казни, а 13 – к пожизненному заключению. В 1948 году из 2063 священнослужителей 1600 были признаны угрозой коммунистическому режиму (Metodiev 2012, с. 8). Остальные стали осведомителями коммунистической тайной полиции: даже в последние дни

[6] Мы должны отметить то, что у нас нет данных, с помощью которых можно было бы систематически проверять идеи этого раздела, и поэтому мы должны полагаться только на доказательства тематических исследований.

коммунистического режима 11 из 15 православных епископов вместе с патриархом входили в состав болгарской секретной службы (Metodiev 2012, стр. 10). В Румынии после программ «социальной переориентации» 1949 года монастырские семинарии и монастыри были закрыты, и почти 4000 монахов и монахинь были заключены в тюрьму или вынуждены вернуться к светской жизни (Stan and Turcescu 2000, p. 1468).

Коммунистические правительства не ограничивали религиозное преследование православным духовенством. В Венгрии коммунистическое правительство национализировало все церковные земли (в том числе принадлежавшие католической и протестантской церквям) и закрыло все религиозные учебные заведения в 1948 году. Кроме того, церквям было запрещено принимать частные пожертвования, что ставило их на грань выживания. К 1951 году все духовенство официально согласилось сотрудничать с коммунистическим режимом. Те, кто возражал, испытали на себе крайние формы преследования. Кардинал Йожеф Миндсенти, римско-католический примас Венгрии, был приговорен к пожизненному заключению в 1949 году. Епископ Лайош Ордас, вице-президент Всемирной лютеранской федерации, был брошен в тюрьму на два года, при отказе уйти со своего поста ему грозило пожизненное заключение (Froese 2001, p. 253-254).

Аналогичным образом чехословацкий режим после 1948 года изъял церковную собственность и начал антирелигиозную кампанию в школах и в общественной жизни. Хотя неафишируемое соглашение между коммунистическим правительством и Ватиканом разрешало существование религиозных орденов, они были запрещены в 1950 году, их последователи были заключены в тюрьму, а собственность национализирована. Эта политика вынудила некоторых священнослужителей уйти в подполье (Winter 1998, p. 219).

В Восточной Германии лютеранская церковь подверглась жестоким репрессиям, и в результате к 1989 году только 15% восточногерманских детей были крещены. Хотя роль церкви оставалась незначительной в течение 40 лет, коммунистический режим был готов мириться с её существованием при условии, что церковная деятельность не представляет угрозы для государства. Кроме того, церковь смогла сохранить свои связи с Западом, в том числе доступ к финансовым ресурсам. Это произошло ценой уступок коммунистам, включая лояльность правительству и разрыв всех связей с западногерманской церковью (Froese and Pfaff 2001, p. 491-497).

В Албании преследование всех религиозных общин началось, когда Энвер Ходжа пришел к власти в ноябре 1944 года. Коммунистическая партия причастна к

убийствам и пыткам духовенства. К маю 1967 года все 2169 религиозных учреждений (церквей и мечетей) были закрыты или снесены. В ноябре 1967 года все пукты конституции, касающиеся религии, были отменены, превратив религиозную практику в незаконную деятельность. Церковная собственность была национализирована, а религиозное образование запрещено. К 1971 году в стране находилось всего 14 католических священников, из которых 12 – в концентрационных лагерях, а 2 в подполье (Tönnes 1982, p. 247-253).

Как мы подтверждаем ниже, несмотря на все эти преследования духовенства, глубокие различия между православием, католицизмом и протестантизмом сохранились. Католическая церковь оставалась сильной в Польше, в некоторых других странах связи с Ватиканом также не были полностью разорваны, что позволило выжить религии, по крайней мере, в подполье. Более того, коммунизм и православие имеют много общего, а распространению и успеху коммунизма в Восточной Европе способствовала система верований православного христианства (Berdyaev 1937, p. 160, 188). Действительно, коммунизм нашел гораздо более теплый отклик в православных обществах Южной и Восточной Европы, чем в легалистических странах Северной и Западной Европы (Janos 2000, p. 326). По словам Бердяева (1937, с. 170), «Если допустить, что антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма сделается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни как служение сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах. Этот последний тип и сейчас уже играет немалую роль и от него идет процесс обуржуазывания».

Более того, идеологи-коммунисты считали, что коммунизм должен занять место христианства как системы верований (Berdyaev 1937, p. 160). Социализм утверждал, что он является новой мессианской силой, способной удовлетворить все потребности человечества и решить все его проблемы. Социалистическое государство и общество считались не светскими или гражданскими, а священными. Бердяев (1933, 189) пишет, что «Социализм утверждает такого рода "сакральную власть" и "сакральное общество", что не остается места ни для чего "мирского", ни для чего вольного и переходного, для свободной игры человеческих сил».

Если православное богословие с его акцентом на традиции и коммунитаризм было полезным для распространения и укрепления коммунистических идей, то почему коммунистические правительства стремились искоренить посещение церкви из

повседневной жизни? Одна из идей состояла в том, чтобы подчинить церкви (будь то православные, протестантские или католические) коммунистической доктрине, наполняя их информаторами до самого высокого уровня. Например, хотя коммунистическая партия Румынии относилась к православной церкви как к капиталистическому пережитку, она также считала, что уважаемая большинством населения церковь может быть полезна для достижения социально-экономических и политических целей партии (Stan and Turcescu 2000). В результате румынская церковь стала одним из пропагандистов коммунистической политики в обмен на терпимость правительства к определенному уровню церковной активности (Flora and Szilagyi 2005, p. 115). Аналогичным образом в 1979 году госсекретарь Венгрии Миклош официально объявил, что церкви больше не угрожают коммунизму и что религия может с пользой продвигать социалистические ценности (Froese 2001, p. 255-256).

Что еще более важно, в то время как коммунизм пытался подавить религиозную активность, коммунисты продвигали некоторые политики, нацеленные на продвижение взглядов и ценностей, взращенных православной традицией. Во-первых, посредством ликвидации частной собственности, национализации предприятий и коллективизации сельского хозяйства утвердился крайний коммунитаризм. Коммунисты полагали, что общие материальные блага могут распределяться «от каждого по способностям, каждому по потребностям» (Janos 2000, p. 259). За исключением Югославии и Польши, к 1970 году в большинстве коммунистических стран более 50% всех пахотных земель находилось в коллективной собственности. Например, к 1970 году в Албании было коллективизировано 85,2% пахотных земель, в Болгарии и Венгрии – около 68% (Janos 2000, стр. 249).

Во-вторых, коммунистические режимы препятствовали развитию договорных обязательств и юридических отношений. Например, при Сталине обязанность партийного функционера состояла в том, чтобы истолковывать и интерпретировать формальные правила и законы в соответствии с постоянно меняющейся линией партии. Хотя соблюдение закона в постсталинский период было более строгим, в административной и судебной сферах партия все еще выполняла те функции, которые в нормальной правовой системе были прерогативой независимых судов. Более того, отношения между начальством и подчиненными основывались не на формализованной ответственности, а скорее на том, что называется «крипто-политикой». Государственная политика должна была согласовываться с обществом; поэтому элитам приходилось

кооптировать подчиненных или подкупать их материальными подачками (Janos 2000, p. 260-263).

Более того, трудовая эксплуатация и террор (особенно во время сталинского режима) были рандомизированными и не основывались на заранее установленных правовых нормах и процедурах. В России 1930-х годов прогул наказывался лишением зарплаты за шесть месяцев. В 1932 году наказание было ужесточено и теперь включало лишение жилья и продуктовых карточек. Мелкая кража каралась лишением свободы сроком на десять лет, а крупная кража смертной казнью. В июне 1940 года опоздавшие на работу более чем на двадцать минут приговаривались к обязательным работам, а несанкционированная смена места работы наказывалась тюрьмой или трудовым лагерем. Эти строгие правила привели к тому, что число заключенных в трудовых лагерях достигло шести миллионов в 1930-х годах и четырнадцати миллионов в послевоенный период (Janos 2000, p. 224-225). В сталинскую эпоху в Чехословакии содержалось в заключении 80 000 человек, в Польше - 200 000 человек, в Восточной Германии – 240 000 человек. Только в 1950-1953 годах в Венгрии было арестовано 511 270 человек, из них 387 177 получили обвинительные приговоры (Janos 2000, p. 252).

В-третьих, политика коммунистов стремилась удержать население в подчинении и препятствовала сомнениям в авторитетах. Тоталитарные страны возглавлялись единой марксистско-ленинской партией, которая также принимала на себя большую часть (или все) функции государства. Государство и партия контролировали повседневную жизнь (и мысли) населения и все аспекты экономики. Кроме того, гражданское общество было ограничено, и государство занималось широкой пропагандой, которая прославляла коммунизм и осуждала капитализм (Pop-Eleches and Tucker 2017). При этом существовал ряд массовых организаций, таких как профсоюзы и молодежные организации, которые были нацелены на распространение и укрепление коммунистических идей среди населения (Janos 2000, p. 252). Тайная полиция была просто необходима для выживания коммунистических режимов. Констебли в униформе и в штатском насчитывали 100 000 в Польше, 70 000 в Румынии, 60 000 в Чехословакии, 50 000 в Венгрии, 40 000 в Болгарии, 25 000 в Югославии и 80 000 в Восточной Германии (Janos 2000, p. 254).

Наконец, творчество, инновации и поток новых идей были подавлены. Внутренняя и внешняя миграция была ограничена: например, еще в 1932 году Советский Союз ввел внутреннюю паспортную систему, которая требовала

официального разрешения на смену места жительства или работы (Janos 2000, p. 224)[7]. На всем коммунистическом пространстве посредством культурных революций пытались прививать социалистические идеалы, в то же время стремясь подавить разрушительные идеи, связанные западным джазом или западным образом жизни (Janos 2000, p. 251). Абрамитский и Син (2014) используют переводы книг как новую меру потока идей и сравнивают интенсивность и характер переводов в бывших коммунистических странах до и после 1989 года. Когда коммунизм рухнул, количество переводов с западных языков на языки посткоммунистического пространства возросло в четыре раза, а число переводов с одного языка на другой внутри посткоммунистического пространства сократилось на две трети. Наибольший рост переводов с западных языков пришёлся именно на сферы, которые были подавлены во времена коммунизма, такие как религия, тогда как наименьшее увеличение произошло в переводах в точных науках.

Суммируя вышесказанное, несмотря на успешные усилия правительства по искоренению церкви из повседневной жизни, при коммунистах сохранялись специфические религиозные убеждения и менталитет, равно как и различия между православием, католицизмом и протестантизмом. Более того, определенные культурные атрибуты православия процветали на протяжении всего коммунистического периода. Коммунистические правительства проводили широкую политику, которая поощряла православные ценности, такие как коммунитаризм, антилегализм, непоставление под сомнение авторитетов, замещая всем этим отсутствие творчества и инноваций.

3. Исходные данные

3.1. Всемирный обзор ценностей

Основным источником данных являются последние четыре волны опросов Всемирного обзора ценностей (WVS), организованные в виде наборов панельных данных, которые охватывают период 1995–2014 г.г. Мы опускаем первые две волны опросов (1981–1984 г.г. и 1990–1994 г.г.), поскольку они включали очень небольшое число стран, в которых восточное православие является преобладающей религией[8]. Всемирный обзор ценностей состоит из репрезентативных в национальном масштабе

[7] В некоторых странах, включая Югославию, Венгрию и Польшу, внутренняя и внешняя миграция была более свободной, поездки за пределы коммунистического блока также были возможны.

[8] Результаты не меняются, если эти дополнительные волны включаются в исследование (доступны у авторов).

опросов, проводимых почти в 100 странах, в которых проживает почти 90 процентов населения мира, и включает в себя интервью с более чем 400 000 респондентов. В таблице A1 мы перечисляем страны, включенные в выборку, а также информацию о распределении респондентов, идентифицирующих себя как православные, католики или протестанты. Хотя наша выборка включает в себя весьма отличающиеся друг от друга страны, мы вводим страновые фиктивные переменные во все модели с данными Всемирного обзора ценностей и потому разрабатываем только внутристрановые различия. В таблице A1 представлена информация о доле респондентов, относящих себя к православию, католицизму или протестантизму, по странам.

Целевая группа респондентов состоит из всех взрослых в возрасте 18 лет и старше. Минимальная выборка – 1000. В отношении большинства стран для получения репрезентативных национальных выборок использовалась та или иная форма стратифицированного многоступенчатого случайно-вероятностного метода формирования выборки. На первом этапе используется случайный отбор первичных единиц выборки, как правило, на базе избирательных округов или учетных районов переписи населения. В отношении большинства стран также учитываются численность населения и степень урбанизации первичных единиц выборки. На втором этапе люди выбираются случайным образом из каждого населенного пункта. Интервью проводились лицом к лицу, за исключением отдаленных районов.

3.2. Жизнь в переходный период (LiTS)

В качестве дополнительного источника данных мы также используем сведения из двух волн опросов «Жизнь в переходный период» (2010 и 2016 г.г.). Опросы «Жизнь в переходный период» (LiTS) – это репрезентативное на национальном уровне исследование, которое охватывает 29 посткоммунистических стран[9]. Оно проводилось Европейским банком реконструкции и развития и Всемирным банком в 2006, 2010 и 2016 годах. К сожалению, в опросе 2006 г. фиксируется только лишь является ли респондент христианином, не проводя различий между католицизмом, православием и протестантизмом. В 2010 году для сравнения в исследование также были включены пять стран Западной Европы (Франция, Германия, Италия, Швеция, Великобритания) и Турция. В 2016 году в него вошли Греция, Кипр, Италия, Германия и Турция. В таблице

[9] Албания, Армения, Азербайджан, Беларусь, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Грузия, Венгрия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Македония, Молдова, Монголия, Польша, Румыния, Россия, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Узбекистан, Косово (только 2010) и Черногория.

A2 в онлайн-приложении мы перечисляем страны, включенные в обзор 2010 года, а также информацию о распределении респондентов, идентифицирующих себя как православный, католик или протестант.

Респонденты (в возрасте 18 лет и старше) были выбраны случайным образом с использованием двухэтапного семплирования с первичными и вторичными единицами выборки. В 2006 и 2010 годах по каждой стране отбиралось как минимум 50 единиц первичной выборки, причем каждая единица первичной выборки содержала около 20 домохозяйств-респондентов (всего около 1000 наблюдений). В 2016 году число единиц первичной выборки было увеличено до 75, что в общей сложности составило около 1500 наблюдений на страну.

Глава семьи или другой осведомленный член домохозяйства отвечал на вопросы Ростера Домохозяйства и вопросы о быте и расходах. На вопросы остальных модулей[10] отвечал случайно выбранный взрослый (старше 18 лет) член домохозяйства без возможности замены, с, как минимум, тремя повторными посещениями, если интервью не удавалось провести. Дабы результаты были сопоставимы с результатами исследования данных из Всемирного обзора ценностей, при анализе данных из LiTS мы используем только фиксированные эффекты для страны, хотя результаты будут очень схожи, если вместо этого мы используем фиктивные переменные для регионов страны.

Основным недостатком LiTS является тот факт, что, в отличие от WVS, он содержит гораздо меньшее количество неправославных стран. В то же время, это позволяет нам триангулировать наши гипотезы относительно другого набора данных.

3.3. Зависимые переменные

Взгляды, являющиеся предметом нашего исследования, сгруппированы в три обширные категории:

• Религиозное поведение

Для исследования связи между православием и религиозным поведением, мы используем следующую информацию из Обзора мировых ценностей: (1) частота, с которой респондент посещает религиозные службы; (2) частота, с которой респондент

[10] Например, в волне 2010 года такими модулями являются: Взгляды и ценности; Изменение климата; Труд, образование и предпринимательская деятельность; Управление и Прочие вопросы.

молится (обе переменные имеют шкалу от 1 (никогда) до 8 (всегда)); (3) фиктивная переменная, описывающая, был ли респондент воспитан в религиозном духе; (4) является ли респондент религиозным лицом (по шкале от 1 (атеист) до 3 (верующий)); (5) фиктивная переменная, отражающая, получает ли респондент утешение и силу в религии; и (6) считает ли респондент, что мы чересчур зависим от науки в ущерб вере (по шкале от 1 (полностью не согласен) до 10 (полностью согласен)).

• Счастье, социальный капитал, отношение к риску и предпочтения в сфере занятости

Мы используем следующие вопросы из Обзора мировых ценностей и обзора «Жизнь в переходный период»: (1) степень, в которой респондент удовлетворен своей жизнью, по шкале от 1 (не удовлетворен) до 4 (удовлетворен) в WVS, в LiTS – от 1 до 10; (2) количество детей в семье респондента, от 0 (нет детей) до 8 (8 или более детей)); (3) идеальное желаемое число детей, от 0 (нет детей) до 10 (10 или более детей), только в WVS; (4) социальный капитал респондента, рассчитанный как среднее количество добровольно посещаемых организаций (таких как церковные или спортивные организации), в которых респондент является активным членом, в диапазоне от 0 до 9 (только в WVS); (5) голосует ли респондент на общенациональных выборах, по шкале от 1 (никогда) до 3 (всегда), только в WVS; и (6) отношение респондента к новым и старым идеям по шкале от 1 (идеи, прошедшие проверку временем, как правило, лучше) до 10 (новые идеи, как правило, лучше старых), только в WVS.

Мы используем только следующие вопросы из LiTS: (1) размер домохозяйства респондента, от 1 до 10 и более человек; (2) отношение респондента риску, в диапазоне от 1 (не желает рисковать) до 10 (готов сильно рисковать); (3) фиктивная переменная, равная 1, если респондент предпочитает работать на крупном частном предприятии, и 0 в противном случае, и (4) фиктивная переменная, отражающая, предпочитает ли респондент долговременную стабильность на работе возможности продвижения по службе и более высокой заработной плате. Фиктивная переменная равна 1, если респондент предпочитает стабильную работу при меньшей заработной плате и меньших возможностях для продвижения по службе, и 0, если респондент предпочитает более высокую оплату труда и больше возможностей для продвижения по службе ценой

меньшей стабильности в сфере занятости[11]. К сожалению, последние два вопроса (о предпочтениях в области занятости) не были заданы в LiTS 2016 года.

• Мнения о правительстве и обществе

Мы используем исключительно данные Всемирного обзора ценностей для этих регрессий, поскольку набор соответствующих вопросов в LiTS намного меньше. Мы используем следующие вопросы: (1) самоидентификация респондента в части политических предпочтений по шкале от 1 (предпочтения крайне левого толка) до 10 (предпочтения крайне правого толка); (2) мнение респондента о частной и государственной собственности на средства производства по шкале от 1 (приоритет отдается частной собственности) до 10 (приоритет отдается государственной собственности); (3) мнение респондента об ответственности правительства по шкале от 1 (граждане должны брать на себя больше ответственности) до 10 (правительство должно брать на себя больше ответственности); (4) фиктивная переменная, описывающая готовность респондента сражаться за свою страну (1 – да, 0 – нет); (5) отношение респондента к демократии по шкале от 1 (отрицательное) до 4 (одобрительное); и (6) суждение респондента о накоплении благосостояния по шкале от 1 («люди могут разбогатеть только за счет других») до 10 («благосостояние может расти таким образом, что хватит всем»).

3.4. Независимые переменные

Основными независимыми переменными, представляющими для нас интерес, являются фиктивные переменные, увязанные с самооценкой религиозной принадлежности респондента, которая включает православие, католицизм и протестантизм. Мы также включили фиктивную переменную для «иной» религиозной принадлежности, что означает, что коэффициенты, относящиеся к фиктивным переменным, связанным с религиозной самооценкой, могут быть интерпретированы относительно опущенной категории (нерелигиозные респонденты). Важно отметить, что для целей настоящего исследования православие не включает в себя нехалкидонское (ориентальное) православие, распространенное в Армении, Эритрее, Эфиопии, Египте,

[11] Аналогичный вопрос о том, насколько респондент ценит стабильность в работе, задавался в WVS только в волне 1999-2004 г.г.

Сирии, Ливане и Индии[12]. Мы контролируем различные характеристики на уровне респондента, такие как демография, социально-экономический статус, образование, образование родителей, состоял ли респондент или кто-либо из членов его/ее семьи в коммунистической партии и проживает ли респондент в городской местности.

4. Спецификация модели и результаты

Наша стратегия оценки опирается на религиозную вариативность внутри стран. Для Всемирного обзора ценностей мы строим эмпирическое уранение следующего вида:

$$Outcome_{ict} = \alpha_{ict} + \beta_1 Orthodox_{ict} + \beta_2 Catholic_{ict} + \beta_3 Protestant_{ict} + \beta_4 OtherReligion_{ict} + \boldsymbol{X}_{ict}\beta_5 + \gamma_c + SurveyWave_t + \gamma_c * SurveyWave_t + \varepsilon_{ict},$$

Наши эмпирические уравнения с использованием данных из обзоров «Жизнь в переходный период» аналогичны описанным выше, с данным из Всемирного обзора ценностей. LiTS содержат информацию о родительском фоне респондентов. Недостатком является тот факт, что количество вопросов о взглядах, задаваемых в рамках LiTS, меньше, чем в WVS; количество охваченных стран (особенно неправославных) также намного меньше. Кроме того, поскольку LiTS 2010 и 2016 не являются исследованием-индивидуальной панелью, мы должны полагаться исключительно на перекрестную вариацию значений[13].

Для LiTS мы используем эмпирическое уранение следующего вида:

$$Outcome_{ic} = \alpha_{ic} + \beta_1 Orthodox_{ic} + \beta_2 Catholic_{ic} + \beta_3 Protestant_{ic} + \beta_4 OtherReligion_{ic} + X_{ic}\beta_5 + \gamma_c + \varepsilon_{ic},$$

где для респондента i в стране c и волны опроса t отклик $Outcome_{ic(t)}$ является одним из измерений религиозного поведения, уровня счастья, социального капитала, отношения к

[12] Нехалкидонское (ориентальное) православие богословски отличается от православия, и, поскольку нас интересуют отношения между православием и коммунизмом, разделение ориентального православия и православия вполне логично. Тем не менее, результаты не изменятся при включении ориентального православия в состав православия – расчеты доступны у авторов.

[13] Возможно построение панели первичных единиц выборки, включенных в оба опроса. Однако статистический вывод, основанный на такой панели, будет ограничен по причинам: (1) небольшого количества наблюдений первичной единицы выборки; (2) миграция; и (3) данные LiTS не являются репрезентативными на субнациональном уровне.

риску, предпочтений в сфере занятости и мнения о правительстве и обществе, которые описаны выше. $Orthodox_{ic(t)}$, $Catholic_{ic(t)}$, $Protestant_{ic(t)}$ и $OtherReligion_{ic(t)}$ являются фиктивными переменными, описывающими, к какой деноминации принадлежит респондент: православию, католицизму, протестантизму или другой религии[14]. Опущенная категория – это респонденты, которые не сообщают о принадлежности к какой-либо религии.

$\boldsymbol{X}_{ic(t)}$ – это вектор контрольных переменных, относящихся к уровню респондента. Во-первых, мы вводим фиктивную переменную, отражающую информацию о занятости респондента (1 – если респондент работает полный или неполный рабочий день или является самозанятым; 0 – если респондент на пенсии, домохозяйка, студент, безработный или заявил о другом статусе занятости (WVS)), или фиктивную переменную, отражающую сведения о том, работал ли респондент в течение последних 12 месяцев (LiTS). Во-вторых, мы контролируем доход респондента, который отражается значениями шкалы (1 – самый низкий уровень, 11 – самый высокий уровень) (в WVS) и значениями по шкале от 1 до 10 в LiTS. В-третьих, мы учитываем самооценку состояния здоровья каждого респондента по шкале от 1 (очень слабое) до 5 (очень хорошее). Мы также включаем фиктивные переменные, описывающие уровень образования респондента – среднее, университетское и более высокое (опускается категория «начальное образование» и ниже). Помимо этого, контролируются следующие параметры: пол, возраст (а также возраст, возведенный в квадрат) и семейное положение респондента. Наконец, мы включаем переменную, которая описывает размер населенного пункта, в котором живет респондент (колеблется от 1 – 2000 жителей или меньше, до 8 – 500 000 жителей или больше) (только в WVS), в то время как в LiTS эта фиктивная переменная отражает, проживает ли респондент в городской местности. Спецификации LiTS включают в себя две дополнительные контрольные переменные: (1) сведения об образовании отца респондента (количество лет) и (2) фиктивная переменная, отражающая, состоял ли респондент или кто-либо из членов его семьи в коммунистической партии в прошлом. Регрессионная модель включает в себя фиктивные переменные, описывающие страну (γ_c), волну обзора ($SurveyWave_t$) (только для WVS) и фиктивные переменную, отражающую взаимодействие между ними ($\gamma_c * SurveyWave_t$) (только для WVS). Стандартные ошибки группируются на уровне стран. Веса опроса, обеспечивающие репрезентативность данных на национальном уровне, включены во все спецификации.

[14] В LiTS категория «Протестант» включает в себя все прочие христианские деноминации.

4.1. Результаты

В Таблице 1 мы сначала проверяем, оказывает ли самооценка религиозной принадлежности дифференцированное влияние на различные аспекты религиозного поведения. Все регрессии в этой таблице основаны на данных Всемирного обзора ценностей. В столбце (1) зависимой переменной является частота, с которой респондент посещает религиозные службы, в то время как в столбце (2) мы можем видеть, как часто респондент молится. В обоих случаях влияние самооценки религиозной принадлежности является весьма значимым и очень похожим среди респондентов, которые являются православными, католиками, протестантами или относят себя к другим религиям относительно опущенной категории. Паттерн весьма схож в следующих четырех столбцах, в которых мы исследуем влияние религиозной принадлежности на то, сообщает ли интервьюируемый о том, что он воспитывался в религиозном духе, считает ли он себя религиозным человеком, находит ли респондент утешение и поддержку в религии, и считает ли он, что мы чересчур полагаемся на науку, нежели на веру (столбцы (3) – (6)). Состоящие в браке и те, кто проживает далеко от мегаполисов, демонстрируют более сильную привязанность к религии (последние два коэффициента не указаны в таблице для экономии места). Обнаруживается также обратный эффект более высокого дохода и уровня образования, хотя эти оценки менее надежны.

Таблица 1: Влияние самооценки религиозной принадлежности – Всемирный обзор ценностей

	(1) Посещ-е религ. служб	(2) Част. молитв	(3) Вырос в религ.	(4) Счит. себя религ.	(5) Утешен./силы в религии	(6) Наука vs. вера
православные	2.103***	2.181***	0.235***	0.605***	0.320***	0.709***
	(0.142)	(0.177)	(0.024)	(0.032)	(0.050)	(0.131)
католики	2.344***	2.003***	0.366***	0.601***	0.390***	0.619***
	(0.096)	(0.205)	(0.045)	(0.043)	(0.028)	(0.132)
протестанты	2.465***	2.157***	0.231***	0.569***	0.373***	0.561***
	(0.169)	(0.264)	(0.042)	(0.042)	(0.033)	(0.167)
др. религии	2.217***	2.178***	0.314***	0.570***	0.367***	0.678***
	(0.173)	(0.204)	(0.038)	(0.042)	(0.049)	(0.155)
занятость	0.049	0.052	−0.015**	−0.001	−0.007	0.046*
	(0.039)	(0.048)	(0.006)	(0.004)	(0.005)	(0.023)
доход	−0.007	−0.024**	−0.000	−0.001	−0.006***	0.004
	(0.006)	(0.009)	(0.002)	(0.002)	(0.001)	(0.013)
мужчины	−0.141	−0.444***	−0.035***	−0.083***	−0.071***	−0.131***
	(0.087)	(0.083)	(0.005)	(0.007)	(0.008)	(0.037)
здоровье	0.060***	0.009	−0.003	0.005	0.003	−0.054**
	(0.013)	(0.021)	(0.004)	(0.004)	(0.005)	(0.023)
среднее образование	−0.080**	0.029	−0.008	−0.027***	−0.030***	0.047
	(0.038)	(0.050)	(0.016)	(0.007)	(0.009)	(0.052)
высшее образование	0.026	0.131*	0.005	−0.044***	−0.043***	−0.030
	(0.048)	(0.068)	(0.023)	(0.009)	(0.011)	(0.079)
страновая фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
страна/волна фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
волна обзора фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
демографич. контрольн.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
R^2	0.383	0.473	0.334	0.325	0.312	0.137
Кол-во наблюдений	165156.000	55244.000	38674.000	162487.000	58945.000	92260.000

Примечания: Представлены коэффициенты метода наименьших квадратов (OLS). Стандартные ошибки группируются на уровне стран (в круглых скобках). Контрольные механизмы демографических аспектов включают возраст респондента, а также возраст, возведенный в квадрат, семейное положение и тип местности, в которой проживает респондент. Зависимыми переменными являются частота посещения респондентом богослужений, частота, с которой респондент молится, признаки, описывающие, вырос ли респондент в религиозном окружении, считает ли он себя религиозным человеком, находит ли он утешение и силы в религии, считает ли он, что мы чересчур полагаемся на науку в ущерб вере. Уровень статистической значимости: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

В таблице 2, используя данные из Всемирного обзора ценностей, мы видим, как принадлежность к различным христианским конфессиям влияет на уровень счастья и социальный капитал. Данные в столбце (1) показывают, что респонденты, которые являются католиками и протестантами, примерно на 0,03 пункта счастливее по сравнению с нерелигиозными респондентами, что составляет 1,1–1,2% относительно среднего значения зависимой переменной (3,07)[15]. В противоположность этому православные респонденты не отличаются от нерелигиозной группы. В столбце (2) мы обнаруживаем, что у представителей православия меньше детей по сравнению с католиками, протестантами, респондентами, принадлежащими к другим религиям и опущенной категорией, а размер эффекта составляет 4,7% относительно среднего значения зависимой переменной. Данные в столбце (3) демонстрируют, что желаемое количество детей одинаково для православных, протестантов, а также нерелигиозных людей. По крайней мере в отношении протестантов эти результаты согласуются с идеей о том, что они могут иметь большее количество детей не по причине отличающихся предпочтений, а потому, что они более удовлетворены своей жизнью по сравнению с православными или теми, кто не исповедует какой-либо религии.

Значения, отраженные в столбце (4) показывают, что православные респонденты располагают большим социальным капиталом, чем неверующие, однако эта цифра значительно ниже соответствующих значений, описывающих католицизм, протестантизм и другие религии[16]. Интересно, что мы не находим серьёзных подтверждений тому, что католики и протестанты являются более активными избирателями относительно православных и нерелигиозных респондентов (столбец 5), соответствующие коэффициенты, описывающие три христианские деноминации, статистически не отличаются друг от друга. Наконец, данные в столбце (6) подтверждают, что православие более ориентировано на традиционные ценности: православные на 0,222 пункта реже поддерживают новые идеи, что на 4,2% ниже среднего значения зависимой переменной.

[15] Значение F-теста равенства коэффициентов, относящихся к православию и католицизму, составляет 7,04 со значением p 0,0096. В последующих регрессиях мы уточняем, когда коэффициент, относящийся к православию, не отличается от коэффициентов, относящихся к католицизму/протестантизму.

[16] Значение F-теста равенства коэффициентов, относящихся к православию и католицизму, в данном случае представляющего собой наиболее консервативный тест, составляет 27,28 со значением p 0,0000.

Таблица 2: Уровень счастья и социальный капитал – Всемирный обзор ценностей

	(1) Счастье	(2) Дети	(3) Идеал. кол-во детей	(4) Соц. капитал	(5) Выборы/голосов-е.	(6) Новые/старые идеи
православные	−0.014	−0.091***	0.043	0.012***	−0.009	−0.222***
	(0.017)	(0.034)	(0.046)	(0.003)	(0.087)	(0.075)
католики	0.032***	0.051**	0.121***	0.027***	0.086***	0.016
	(0.008)	(0.024)	(0.039)	(0.004)	(0.024)	(0.066)
протестанты	0.035**	0.063**	0.048	0.038***	0.095***	−0.021
	(0.014)	(0.025)	(0.034)	(0.005)	(0.021)	(0.073)
др. религии	0.034**	0.159***	0.192***	0.031***	0.031	0.085
	(0.015)	(0.035)	(0.051)	(0.006)	(0.046)	(0.117)
занятость	−0.008	−0.067***	−0.029**	0.012***	0.059***	0.043
	(0.007)	(0.022)	(0.012)	(0.002)	(0.015)	(0.037)
доход	0.034***	−0.013***	−0.006	0.003***	0.006**	0.024**
	(0.003)	(0.004)	(0.005)	(0.001)	(0.003)	(0.009)
мужчины	−0.043***	−0.170***	0.053***	0.008***	−0.002	0.064**
	(0.005)	(0.016)	(0.017)	(0.002)	(0.013)	(0.024)
здоровье	0.274***	−0.008	−0.009	0.004***	0.017**	0.088***
	(0.008)	(0.010)	(0.007)	(0.001)	(0.007)	(0.024)
среднее образование	0.016*	−0.429***	−0.142***	0.017***	0.049**	0.152***
	(0.009)	(0.037)	(0.035)	(0.003)	(0.020)	(0.043)
высшее образование	0.020*	−0.651***	−0.149***	0.049***	0.133***	0.032
	(0.011)	(0.050)	(0.039)	(0.004)	(0.026)	(0.062)
страновая фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
страна/волна фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
волна обзора фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
демографич. контрольн.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
R^2	0.264	0.408	0.253	0.223	0.243	0.178
Кол-во наблюдений	167371.000	166779.000	63690.000	118646.000	53937.000	48649.000

Примечания: Представлены коэффициенты метода наименьших квадратов (OLS). Стандартные ошибки группируются на уровне стран (в круглых скобках). Контрольные механизмы демографических аспектов включают возраст респондента, а также возраст, возведенный в квадрат, семейное положение и тип местности, в которой проживает респондент. Зависимыми переменными являются уровень счастья, количество детей у респондента, идеальное количество детей по мнению респондента, социальный капитал, электоральная активность респондента, степень восприятия новых идей в противовес старым. Уровень статистической значимости: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

В Таблице 3 мы представили результаты дополнительного регрессионного анализа, исследуя различия в уровне счастья, отношении к риску и предпочтениях в сфере занятости среди представителей трех христианских деноминаций. Эти спецификации основаны исключительно на перекрестной вариации значений из обзора «Жизнь в переходный период» за 2010 г. В отличии от предыдущих двух таблиц, в таблице 3 контролируется родительский фон, в том числе количество лет образования отца респондента, полученного в очной форме, а также то, были ли респондент или кто-либо из его семьи членами коммунистической партии в прошлом. Результаты, отраженные в столбце (1), в действительности говорят о более серьезной зависимости по сравнению с данными из столбца (1) в таблице 2. Католики примерно на 4,0%, а протестанты на 5,8% счастливее православных и неверующих (оба эффекта рассчитываются относительно среднего значения переменной, отражающей уровень счастья). Относящие себя к католицизму и протестантизму живут в домохозяйствах, в которых больше детей (хотя эффект оценен неточно) и которые больше по размеру (обратите внимание, что коэффициент, относящийся к протестантам, статистически не отличается от соответствующего значения, относящегося к православным, столбцы (2) и (3)). Православные менее склонны к принятию риска (по отношению к католикам, протестантам и неверующим, столбец (4)) и реже предпочитают работать в крупном частном бизнесе (по сравнению с протестантами и неверующими, столбец (5)). Православные верующие на 8,8 процентных пункта чаще предпочитают работу с высоким уровнем защищенности по сравнению с неверующими, в то время как этот эффект составляет 4,5 процентных пункта для католиков и 3,8 процентных пункта для протестантов соответственно (столбец 6)[17]. Эти результаты перекликаются с более ранними выводами о различиях между католицизмом, протестантизмом и православием, когда речь заходит о социальном капитале и поддержке новых идей.

[17] Коэффициент, относящийся к православным, статистически отличается от коэффициентов, относящихся к католикам и протестантам, со значениями p 0,0157 и 0,0124 соответственно.

Таблица 3: Уровень счастья, отношение к риску, предпочтения в занятости – Жизнь в переходный период II

	(1) Счастье	(2) Дети	(3) Размер домохоз-ва	(4) Риск	(5) Крупн.частн. бизн.	(6) Защищ. работа
православные	−0.093	−0.014	−0.018	−0.265***	−0.024**	0.088***
	(0.070)	(0.039)	(0.069)	(0.093)	(0.011)	(0.020)
католики	0.222***	0.060	0.110**	−0.035	−0.015	0.045***
	(0.072)	(0.038)	(0.047)	(0.074)	(0.014)	(0.015)
протестанты	0.318***	0.055	0.081*	0.001	0.004	0.038**
	(0.085)	(0.036)	(0.046)	(0.086)	(0.016)	(0.016)
др. религии	−0.113	0.173***	0.373***	−0.210**	−0.012	0.056**
	(0.077)	(0.049)	(0.090)	(0.103)	(0.012)	(0.021)
занятость	0.072*	−0.027	−0.004	0.272***	0.010	−0.004
	(0.037)	(0.025)	(0.037)	(0.045)	(0.007)	(0.009)
текущие доходы	0.464***	−0.019***	0.005	0.193***	0.009***	−0.020***
	(0.027)	(0.006)	(0.011)	(0.020)	(0.002)	(0.003)
мужчины	−0.088**	−0.110***	0.035	0.637***	0.027***	−0.074***
	(0.037)	(0.016)	(0.032)	(0.033)	(0.006)	(0.009)
образование отца	0.020***	−0.004*	−0.012***	0.035***	0.002**	−0.007***
	(0.004)	(0.002)	(0.004)	(0.008)	(0.001)	(0.001)
здоровье	0.360***	0.022**	0.029**	0.196***	0.008**	−0.021***
	(0.028)	(0.009)	(0.014)	(0.028)	(0.003)	(0.005)
коммунистич. партия	0.045	−0.028*	−0.001	−0.013	−0.010	0.013
	(0.043)	(0.016)	(0.025)	(0.061)	(0.007)	(0.009)
среднее образование	0.198***	−0.100***	−0.108*	0.315***	−0.012	−0.009
	(0.045)	(0.034)	(0.056)	(0.086)	(0.009)	(0.013)
высшее образование	0.412***	−0.184***	−0.266***	0.543***	−0.004	−0.075***
	(0.065)	(0.041)	(0.058)	(0.084)	(0.011)	(0.019)
страновая фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
демографич. контрольн.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
R^2	0.366	0.242	0.417	0.152	0.040	0.107
Кол-во наблюдений	26766.000	26769.000	26769.000	25976.000	24837.000	24956.000

Примечания: Представлены коэффициенты метода наименьших квадратов (OLS). Стандартные ошибки группируются на уровне стран (в круглых скобках). Контрольные механизмы демографических аспектов включают возраст респондента, а также возраст, возведенный в квадрат, семейное положение и тип местности, в которой проживает респондент. Зависимыми переменными являются уровень счастья, количество детей у респондента, размер домохозяйства респондента, склонность респондента к принятию риска, отношение к занятости в крупном частном бизнесе, предпочитает ли респондент работу с высоким уровнем стабильности работе с возможностью карьерного роста и более высокой заработной платой. Уровень статистической значимости: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

Одна из проблем, связанных с результатами, помещенными в Таблицу 3, заключается в том, что они могут быть обусловлены тем обстоятельством, что опрос LiTS II проводился в разгар финансового кризиса. Дабы проверить это, мы повторно провели анализ, результаты которого представлены в предыдущей таблице, используя данные из LiTS III. К сожалению, вопросы о предпочтениях в сфере занятости не были включены в последний раунд опроса. Результаты в Таблице 4 в целом аналогичны результатам в Таблице 3, хотя четыре религиозные группы и неверующие, похоже, не отличаются друг от друга по уровню счастья (столбец (1)). У православных верующих меньше детей, они живут в небольших домохозяйствах и менее склонны к принятию риска (хотя коэффициенты по трем религиозным конфессиям статистически не различаются в последней спецификации) по сравнению с неверующими, католиками, протестантами и представителями других религий (столбцы (2) – (4)).

Таблица 4: Уровень счастья и отношение к риску – Жизнь в переходный период III

	(1) Счастье	(2) Кол-во детей	(3) Размер домохоз-ва	(4) Риск
православные	−0.011	−0.082***	−0.178***	−0.219**
	(0.050)	(0.029)	(0.057)	(0.090)
католики	0.071*	0.038*	0.076	−0.193
	(0.040)	(0.020)	(0.045)	(0.121)
протестанты	0.028	−0.022	−0.054	−0.201
	(0.038)	(0.034)	(0.062)	(0.152)
др. религии	0.006	0.068	0.168*	0.039
	(0.062)	(0.049)	(0.089)	(0.097)
занятость	0.066**	−0.039*	−0.006	0.399***
	(0.028)	(0.023)	(0.034)	(0.060)
текущие доходы	0.180***	−0.011**	0.001	0.159***
	(0.012)	(0.005)	(0.012)	(0.026)
мужчины	−0.059***	−0.049***	0.046**	0.367***
	(0.013)	(0.011)	(0.022)	(0.042)
образование отца	0.021**	−0.011*	−0.022*	0.086***
	(0.008)	(0.006)	(0.011)	(0.018)
здоровье	0.193***	0.018*	−0.002	0.193***
	(0.016)	(0.010)	(0.024)	(0.034)
коммунистич. партия	0.056**	−0.004	0.018	0.172***
	(0.025)	(0.014)	(0.026)	(0.042)
среднее образование	0.002	0.019	0.075**	−0.023
	(0.015)	(0.021)	(0.035)	(0.043)
высшее образование	0.125***	−0.012	−0.073	−0.040
	(0.032)	(0.026)	(0.043)	(0.068)
страновая фикт. перем.	✓	✓	✓	✓
демографич. контрольн.	✓	✓	✓	✓
R^2	0.255	0.235	0.355	0.182
Кол-во наблюдений	36922.000	37275.000	37275.000	36541.000

Примечания: Представлены коэффициенты метода наименьших квадратов (OLS). Стандартные ошибки группируются на уровне стран (в круглых скобках). Контрольные механизмы демографических аспектов включают возраст респондента, а также возраст, возведенный в квадрат, семейное положение и тип местности, в которой проживает респондент. Зависимые переменные – см. предыдущ. таблицу. Уровень статистической значимости: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

Наконец, в Таблице 5 показано, насколько различаются мнения представителей трех христианских деноминаций о правительстве и обществе, мы снова обращаемся к Всемирному обзору ценностей. Данные в столбце (1) показывают, что католики и протестанты чаще высказывают политические предпочтения правого толка, разница с неверующими составляет от 0,456 до 0,539 пункта (по шкале от 1 (левые политические взгляды) до 10 (правые политические взгляды)). Для сравнения, православные позиционируют себя только на 0,127 пункта правее по отношению к неверующим[18]. Католики и протестанты менее склонны поддерживать бóльшую ответственность правительства и государственную собственность по сравнению с неверующими и православными (столбцы (2) – (3)). Интересно, что мы не видим различий, когда речь заходит о готовности бороться за свою страну или о приверженности демократическим ценностям в столбцах (4) и (5), поскольку коэффициент, относящийся к православным, статистически не отличается от коэффициентов, относящихся к католицизму или протестантизму.

Результаты в таблице 5 также говорят о том, что приверженцы православия и протестантизма имеют разные взгляды на накопление богатства, что согласуется с теологическими различиями, связанными с индивидуализмом и коммунитаризмом, которые обсуждались выше. Протестанты чаще соглашаются с тем, что богатство может расти таким образом, что его хватит всем, по сравнению с православными (столбец (6); коэффициент, относящийся к православным, статистически не отличается от коэффициента, относящегося к католикам). Протестанты рассматривают наращивание личного благосостояния (блага, которыми можно воспользоваться в этом, а не загробном мире) совершенно приемлемым, в то время как мнение православных приверженцев соответствует мировоззрению, в котором индивидуальное обогащение отвергается, дабы максимизировать благополучие общественное.

[18] Эти различия статистически значимы. Коэффициенты, относящиеся к католикам и протестантам, не отличаются друг от друга, в то время как равенство коэффициентов, относящихся к православным и католикам, отвергается со значением F-теста 22,49 и значением p 0,000. Равенство также отвергается при сравнении коэффициентов, относящихся к православным и протестантам.

Таблица 5: Мнения о правительстве и обществе – Всемирный обзор ценностей

	(1) Лев/Прав полит. взгл.	(2) Гос. собств.	(3) Отв-ть правит-ва	(4) Борьба за страну	(5) Приверж. демократии	(6) Накопл-е богатства
православные	0.127*	0.080	0.132*	0.019	0.030	0.009
	(0.075)	(0.060)	(0.075)	(0.020)	(0.019)	(0.080)
католики	0.539***	−0.195***	−0.116**	0.035***	0.031**	0.132***
	(0.050)	(0.056)	(0.047)	(0.012)	(0.014)	(0.044)
протестанты	0.456***	−0.263***	−0.181***	0.030**	0.044***	0.170***
	(0.056)	(0.054)	(0.051)	(0.013)	(0.016)	(0.050)
др. религии	0.318***	−0.115*	−0.079	0.027**	0.040*	0.207***
	(0.048)	(0.059)	(0.049)	(0.012)	(0.021)	(0.066)
занятость	−0.027	−0.065**	−0.082***	0.015***	−0.005	0.021
	(0.024)	(0.029)	(0.023)	(0.005)	(0.007)	(0.024)
доход	0.059***	−0.058***	−0.117***	−0.001	0.006*	0.058***
	(0.010)	(0.009)	(0.010)	(0.001)	(0.003)	(0.009)
мужчины	0.068***	−0.263***	−0.105***	0.115***	0.036***	−0.127***
	(0.023)	(0.029)	(0.018)	(0.007)	(0.007)	(0.032)
здоровье	0.090***	−0.136***	−0.113***	0.020***	0.036***	0.121***
	(0.012)	(0.017)	(0.017)	(0.003)	(0.004)	(0.015)
среднее образование	−0.117**	−0.180***	−0.263***	0.021***	0.055***	0.114***
	(0.051)	(0.044)	(0.037)	(0.008)	(0.011)	(0.034)
высшее образование	−0.271***	−0.427***	−0.369***	−0.003	0.170***	0.166***
	(0.063)	(0.062)	(0.052)	(0.011)	(0.019)	(0.045)
страновая фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
страна/волна фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
волна обзора фикт. перем.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
демографич. контрольн.	✓	✓	✓	✓	✓	✓
R^2	0.108	0.102	0.116	0.114	0.113	0.081
Кол-во наблюдений	128108.000	157213.000	165123.000	139251.000	156135.000	131584.000

Примечания: Представлены коэффициенты метода наименьших квадратов (OLS). Стандартные ошибки группируются на уровне стран (в круглых скобках). Контрольные механизмы демографических аспектов включают возраст респондента, а также возраст, возведенный в квадрат, семейное положение и тип местности, в которой проживает респондент. Зависимыми переменными являются самооценка политических взглядов (левые-правые, по шкале), отдаваемые предпочтения в пользу частной или государственной собственности, мнение относительно меры ответственности государства, желание респондента бороться за свою страну, мнение относительно демократических ценностей и мнение о том, возможно ли накопление богатств не за счет других. Уровень статистической значимости: * $p < 0.1$, ** $p < 0.05$, *** $p < 0.01$.

Согласуясь с изложенными в разделе 2 аргументами, результаты анализа, представленные в таблицах 2 – 5, указывают на наличие сильных культурных различий между православными, приверженцами католицизма и протестантизма. В сравнении с католиками, протестантами и неверующими православные имеют меньше детей, меньший социальный капитал и менее склонны к принятию риска. Также они отдают предпочтение устаревшим, а не новым идеям, работе с высоким уровнем стабильности, высказывают политические предпочтения левого толка и являются сторонниками правительства крепкой руки.

Более того, католики и протестанты также имеют различия во взглядах и ценностях. По отношению к неверующим и тем, кто исповедует православие, они счастливее и реже соглашаются с утверждением о том, что государственная собственность – это благо. Кроме того, протестанты (но не католики) реже соглашаются с тем, что богатство может приобретаться только за счет других.

Наконец, мы также изучили спецификации с дополнительными зависимыми переменными, включая степень доверия различным институтам – политическим и финансовым, наряду с приверженностью рыночной экономике и демократии (доступны в опросах Жизнь в переходный период) и степень уважения авторитета власти (доступно во Всемирном обзоре ценностей). Мы не обнаружили каких-либо существенных различий между православными, католиками и протестантами в этих спецификациях. Хотя эти результаты не согласуются с гипотезами, выдвинутыми в настоящей работе, мы полагаем, что широкий спектр взглядов и ценностей, в отношении которых мы *действительно обнаруживаем* важные различия между тремя религиозными конфессиями, весьма интересны и обеспечивают надежную поддержку нашим теоретическим выкладкам.

5. Заключение

В этой работе мы исследуем, как глубоко укоренившиеся богословские различия между православием, католицизмом и протестантизмом влияют на удовлетворенность жизнью и другие взгляды и ценности на большей части европейского пространства сегодня. Используя данные четырех волн исследования Всемирного обзора ценностей и исследования «Жизнь в переходный период» за 2010 и 2016 г.г. мы обнаруживаем, что по сравнению с православными и неверующими католики и протестанты счастливее, воспитывают большее число детей и реже соглашаются с утверждением о том, что

государственная собственность является благом. Протестанты также реже соглашаются с тем, что разбогатеть можно только за счет других. Мы также видим, что по отношению к католикам, протестантам и неверующим приверженцы православия имеют меньший социальный капитал и менее склонны к принятию риска, что согласуется с результатами исследования уровня счастья. Они также предпочитают устаревшие идеи новым и работу с высоким уровнем стабильности. Приверженцы православия в большей мере придерживаются политических взглядов левого толка и более выраженного мнения о том, что правительства (а не народ) должны брать на себя больше ответственности.

Важным вопросом является то, каким образом эти противоречия во взглядах сохранялись с течением времени, особенно в условиях строгой антирелигиозной политики, проводимой коммунистическими элитами. Частично это объясняется тем, что религиозные различия и убеждения особенно устойчивы. Они смогли противостоять не только полувековому коммунистическому подавлению, но и предшествующим многовековым политическим и экономическим потрясениям. Кроме того, хотя тоталитарные правительства подавляли религиозную активность, они сохраняли те аспекты православной религии, такие как традиции и коммунитаризм, которые были полезны для продвижения коммунистической доктрины.

Полученные нами выводы имеют важное значение для понимания факторов, определяющих экономические и политические преобразования в Восточной Европе. В обширной литературе утверждается, что тоталитарное наследие оказало глубокое влияние на культурный, экономический и политический ландшафт посткоммунистической части Европы (Pop-Eleches and Tucker 2017). Хотя эти взгляды и имеют широкую поддержку, они не могут считаться всё объясняющими. В настоящей работе подчеркивается, что богословские различия между различными христианскими деноминациями могли поставить страны на разные пути развития задолго до прихода коммунизма, и что коммунистические элиты могли использовать культурную среду в своих собственных интересах. Мы также должны уточнить, что не претендуем на то, чтобы предоставить «универсальную» теорию культурных и экономических преобразований. Существует множество сил, которые формируют политическое и экономическое развитие, и религия – только одна из них.

Как указывалось во введении, дискуссия о предпосылках, способствующих возникновению различных типов политических и экономических систем, не нова. Сами коммунистические мыслители расходились во мнениях относительно того, где коммунизм мог бы развиться наиболее успешно. Оглядываясь назад, видится, что ни

идея Маркса о том, что социализм, скорее всего, укоренится в развитых странах, ни убеждения Ленина в том, что православие должно быть полностью искоренено среди низших классов для успеха коммунистических идей, не были верны. Напротив, коммунистическая идеология процветала именно в более бедных странах с сильной православной традицией. Полученные выводы оказывают серьёзную поддержку теории Бердяева о том, что «социально-экономическ[ая] систем[а] коммунизма <…> вполне может быть согласована с [православным] христианством, во всяком случае более, чем капиталистическая система» (Berdyaev, 1937, с. 184).

Список литературы:

Abramitzky, R. and I. Sin (2014): “Book translations as idea flows: The effects of the collapse of Communism on the diffusion of knowledge,” *Journal of the European Economic Association*, 12, 1453–1520.

Acemoglu, D., S. Johnson, and J. A. Robinson (2001): “The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation,” *American Economic Review*, 91, 1369–1401.

Adena, M., R. Enikolopov, M. Petrova, V. Santarosa, and E. Zhuravskaya (2015): “Radio and the Rise of the Nazis in Prewar Germany,” *Quarterly Journal of Economics*, 130, 1885–1939.

Aghion, P., Y. Algan, P. Cahuc, and A. Shleifer (2010): “Regulation and distrust,” *The Quarterly Journal of Economics*, 125, 1015–1049.

Aidt, T. S. and R. Franck (2015): “Democratization under the threat of revolution: evidence from the great reform act of 1832,” *Econometrica*, 83, 505–547.

Alesina, A. and N. Fuchs-Schundeln ¨ (2007): “Good-Bye Lenin (or Not?): The Effect of Communism on People’s Preferences,” *American Economic Review*, 97, 1507–1528.

Barmenkov, A. (1983): *Freedom of Conscience in the USSR*, Progress Publishers.

Barro, R. J. and R. M. McCleary (2003): “Religion and Economic Growth across Countries,” *American Sociological Review*, 760–781.

Becker, S. O., K. Boeckh, C. Hainz, and L. Woessmann (2014): “The Empire Is Dead, Long Live the Empire! Long-Run Persistence of Trust and Corruption in the Bureaucracy,” *Economic Journal*.

Becker, S. O. and L. Woessmann (2009): “Was Weber wrong? A human capital theory of Protestant economic history,” *The Quarterly Journal of Economics*, 531–596.

Bénabou, R., D. Ticchi, and A. Vindigni (2015): “Religion and innovation,” *American Economic Review*, 105, 346–351.

Berdyaev, N. (1933): “The End of Our Time,” *Donald Atwater (London: Sheed & Ward, 1933)*.

——— (1937): The origin of Russian communism, *University Press Glasgow*.

Русский перевод приводится по: Н. Бердяев, Истоки и смысл русского коммунизма, 1955, *YMCA-Press, Париж*. — Прим. пер.

Boix, C. (2003): Democracy and Redistribution, *Cambridge University Press*.

——— (2011): “Democracy, Development, and the International System,” *American Political Science Review*, 105, 809–28.

Campante, F. and D. Yanagizawa-Drott (2015): "Does Religion Affect Economic Growth and Happiness? Evidence from Ramadan," *Quarterly Journal of Economics*, 130, 615–658.

Cantoni, D. (2014): "The economic effects of the Protestant Reformation: testing the Weber hypothesis in the German Lands," *Journal of the European Economic Association*.

Chambers, D. (2006): Popes, Cardinals and War: The Military Curch in Renaissance and Early Modern Europe, *IB Tauris*.

Chong, A., R. La Porta, F. Lopez-de Silanes, and A. Shleifer (2014): "Letter grading government efficiency," *Journal of the European Economic Association*, 12, 277–299.

Clingingsmith, D., A. I. Khwaja, and M. Kremer (2009): "Estimating the Impact of The Hajj: Religion and Tolerance in Islam's Global Gathering," *Quarterly Journal of Economics*, 124, 1133–1170.

Coupe, T. and M. Obrizan (2016): "The impact of war on happiness: The case of Ukraine," *Journal of Economic Behavior & Organization*, 132, 228–242.

Djankov, S., E. Glaeser, R. La Porta, F. Lopez-de Silanes, and A. Shleifer (2003): "The new comparative economics," *Journal of Comparative Economics*, 31, 595–619.

Djankov, S., E. Nikolova, and J. Zilinsky (2016): "The happiness gap in Eastern Europe," *Journal of Comparative Economics*, 44, 108–124.

Du Bois, W. E. B. (1968): The autobiography of WEB Du Bois: A soliloquy on viewing my life from the last decade of its first century, *Oxford University Press*.

Easterlin, R. A. (2009): "Lost in transition: Life satisfaction on the road to capitalism," *Journal of Economic Behavior & Organization*, 71, 130–145.

Engerman, S. L. and K. L. Sokoloff (2000): "History Lessons: Institutions, Factors Endowments, and Paths of Development in the New World," *Journal of Economic Perspectives*, 14, 217–232.

Flora, G. and G. Szilagyi (2005): "Orthodox Christianity, Rationalization, Modernization: A Reassesment," in *Eastern Orthodoxy in a Global Age: Tradition Faces the Twenty-first Century*, ed. by V. Roudometoff, A. Agadjanian, and J. Pankhurst, Walnut Creek: Rowman & Littlefield, chap. 5, 109–143.

Froese, P. (2001): "Hungary for religion: A Supply-side interpretation of the Hungarian religious revival," *Journal for the Scientific Study of Religion*, 40, 251–268.

——— (2004): "Forced secularization in Soviet Russia: Why an atheistic monopoly failed-Forced secularization in Soviet Russia: Why an atheistic monopoly failed," *Journal for the Scientific Study of Religion*, 43, 35–50.

Froese, P. and S. Pfaff (2001): “Replete and desolate markets: Poland, East Germany, and the new religious paradigm,” *Social Forces*, 80, 481–507.

Gorodnichenko, Y. and G. Roland (2015): “Culture, institutions and democratization,” *National Bureau of Economic Research*.

Guiso, L., P. Sapienza, and L. Zingales (2003): “People’s opium? Religion and economic attitudes,” *Journal of Monetary Economics*, 50, 225–282.

Huntington, S. P. (1996): The clash of civilizations and the remaking of world order, *Simon and Schuster*.

Hussey, J. M. (2010): The orthodox church in the Byzantine empire, *OUP Oxford*.

Janos, A. C. (2000): East Central Europe in the modern world: the politics of the borderlands from pre-to postcommunism, *Stanford University Press*.

Kallistos, B. o. D. (1993): The orthodox church, *Penguin UK*.

La Porta, R., F. Lopez-de Silanes, A. Shleifer, and R. Vishny (1999): “The quality of government,” *Journal of Law, Economics, and organization*, 15, 222–279.

La Porta, R., F. Lopez-de Silanes, A. Shleifer, and R. W. Vishny (1997): “Trust in Large Organizations,” *American Economic Review*, 333–338.

Lal, D. (2000): “Does modernization require westernization?” *Independent Review-Oakland*, 5, 5–24.

Lenin, V. I. (1960): “Collected Works. 45 vols,” Moscow, 70, 99–100.

Markides, V. N. (2005): “Orthodox Christianity, Rationalization, Modernization: A Reassesment,” in Eastern Orthodoxy in a Global Age: Tradition Faces the Twenty-first Century, ed. by V. Roudometoff, A. Agadjanian, and J. Pankhurst, Walnut Creek: Rowman & Littlefield, chap. 7, 179–209.

Marx, K. (1844): “Contribution to the Critique of Hegels Philosophy of Law,” Collected works, 3, 3–129.

Русский перевод приводится по: К. Маркс, «К критике гегелевской философии права», К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, Изд. второе, том 1, Москва, 1955. — Прим. пер.

——— (1977): A contribution to the critique of political economy, Progress Publishers, Moscow.

McCleary, R. M. and R. J. Barro (2006): “Religion and economy,” *Journal of Economic Perspectives*, 49–72.

Metodiev, M. (2012): “Texts about communism in Bulgaria: the Bulgarian Orthodox church and the communist state,” *Konrad Adenauer Stiftung*, 1–20.

Nakagawa, S. (2004): “A farewell to Bonferroni: the problems of low statistical power and publication bias,” *Behavioral ecology*, 15, 1044–1045.

Nikolova, E. (2017): “Destined for democracy? Labor markets and political change in colonial British America,” *British Journal of Political Science*, 47, 19–45.

Nikolova, M. (2016): “Minding the happiness gap: Political institutions and perceived quality of life in transition,” *European Journal of Political Economy*, 45, 129–148.

Nunn, N. and L. Wantchekon (2011): “The Slave Trade and the Origins of Mistrust in Africa,” *American Economic Review*, 101, 3221–3252.

Pipes, R. (1995): Russia Under the Bolshevik Regime, Vintage.

Pop-Eleches, G. and J. Tucker (2017): Communisms Shadow: Historical Legacies, and Political Values and Behavior, *Princeton University Press*.

Pospielovsky, D. (1984): The Russian church under the soviet regime, 1917-1982, vol. 1, *St. Vladimir’s Seminary Press*.

——— (1987): A History of Marxist-Leninist Atheism and Soviet anti-religious policies, vol. 1, *Macmillan Press*.

Roland, G. (2004): “Understanding institutional change: fast-moving and slow-moving institutions,” Studies in Comparative International Development, 38, 109–131.

Spenkuch, J. L. (2011): “The Protestant Ethic and Work: Micro Evidence from Contemporary Germany,” *Working paper*.

Stan, L. and L. Turcescu (2000): “The Romanian Orthodox Church and postcommunist democratisation,” *Europe-Asia Studies*, 52, 1467–1488.

Stulz, R. M. and R. Williamson (2003): “Culture, openness, and finance,” *Journal of Financial Economics*, 70, 313–349.

Tabellini, G. (2010): “Culture and institutions: economic development in the regions of Europe,” *Journal of the European Economic Association*, 8, 677–716.

Tönnes, B. ¨ (1982): “Religious persecution in Albania,” *Religion, State and Society: The Keston Journal*, 10, 242–255.

Volkov, D. (2005): “Living Eastern Orthodox Religion in the United States,” in Eastern Orthodoxy in a Global Age: Tradition Faces the Twenty-first Century, ed. by V. Roudometoff, A. Agadjanian, and J. Pankhurst, Walnut Creek: Rowman & Littlefield, chap. 9, 224–244.

Weber, M. (1904): The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism: and other writings, *Archiv fr Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*.

Winter, S. F. (1998): "Quo Vadis? The Roman Catholic Church in the Czech Republic," *Religion, State and Society: The Keston Journal*, 26, 217–233.